

10. Izglītība mūsdienīgai lietpratībai: mācību saturs un pieejas apraksts (2017) // Domaundari.lv [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://domaundari.lv/cepure/Macibu%20saturs%20un%20pieejas%20apraksts.pdf>. – Дата доступа: 13.03.2019.
11. Lee, K., & Walsh, D. J. Extending developmentalism: Cultural Psychology and Early Childhood Education / Lee, K., & Walsh, D. J. // International Journal of Early Childhood Education., 2001. – № 7. – P.71–91.
12. Lovat, T. Lovats 5 step approach / T. Lovat // Ritualandliturgy.weebly.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ritualandliturgy.weebly.com/terence-lovats-model.html>. – Дата доступа: 13.03.2019.
13. McWilliam, E. Personally significant learning / E. McWilliam, P. Taylor // Ericamcwilliam.com.au [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ericamcwilliam.com.au/personally-significant-learning/>. – Дата доступа: 13.03.2019.
14. Rancāne, A. Saules gads. Ziemassvētki / A. Rancāne, G. Siliņa-Jasjukeviča, I. Briška. – Rīga : Madris, 2014. – P. 214.
15. Rogoff, B. The cultural nature of human development / B. Rogoff. – Oxford, USA: Oxford University Press, 2003. – P. 448.
16. Rancāne, A. Saules gads. Lielā diena / A. Rancāne, G. Siliņa-Jasjukeviča, I. Briška. – Rīga : Zvaigzne ABC, 2016. – P. 268.
17. Siliņa-Jasjukeviča, G. In-depth cultural studies in multicultural group / G. Siliņa-Jasjukeviča, I. Briška // Discourse and Communication for Sustainable Education. – Rēzekne : Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2016. – vol. 7. – P. 139–148.
18. Siliņa-Jasjukeviča, G. Novada tradicionālās kultūras apguve lokālās kultūrpiederības veicināšanai sākumskolā / G. Siliņa-Jasjukeviča // Promocijas darbs. – Rīga : Latvijas Universitāte, 2011. – P. 233.

Ирина Попова, Диана Гаглоева

ПРИЧИТАНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИИ

В статье на основе научных публикаций, а также экспедиций этномузиков Санкт-Петербургской государственной консерватории и Российской академии музыки имени Гнесиных 2018 года анализируются осетинские причитания, плачи по умершим (так называемые «хъарæг» [karag]) в единстве ритуальной, музыкальной и поэтической составляющих.

Irina Popova, Diana Gagloeva

LAMENTATIONS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF OSSETIA

This article, based on scientific publications, as well as expeditions of the ethnomusic school of the St. Petersburg State Conservatory and the Gnesins Russian Academy of Music in 2018, analyzes Ossetian lamentations, crying for the dead (the so-called “kharæg” [karag]) in the unity of the ritual, musical and poetic components.

Причитания, плачи по умершим в единстве ритуальной, музыкальной и поэтической составляющих представляют собой один из наименее изученных жанров осетинского фольклора. В народной традиции он имеет название «хъарæг» [karag], производное от глагола «хъарæг кæнын» [karag kənin] — причитать.

Более или менее развернутые этнографические описания погребальной обрядности обнаруживаются уже в ранних источниках, начиная с середины XIX века: Бердзенов Н. Г. Осетинский обряд сидения мертвецов // Кавказ. — 1850. — № 7; Миллер В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Т. IX, Вып. II. СПб., 1883; Вертепов Г. А. Похоронные обряды у осетин // Терские ведомости. — 1901. — № 23–26; Цаголов Г. М. Поминки // Новое обозрение. — 1895. — № 3821; Чурсин Г. Ф. Праздник мертвых // Новое обозрение. — 1896. — № 4208; Чурсин Г. Ф. Культ мертвых на Кавказе // Очерки по этнологии Кавказа. — Тифлис, 1913 и др. Однако все эти описания, как правило, лишены поэтических текстов.

Текстовые публикации плачей сосредоточены в публикациях советского периода и в ряде работ недавнего времени: Памятники народного творчества осетин. Вып. 2. — Владикавказ: Ир, 1927; Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия // Сост. Т. А. Хамицаева. Т. 1. — Владикавказ: Ир, 1992; Бесолова Е. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность в аспекте ее текстуально-вербального выражения / ВНИЦ РАН СОИГСИ им. В. И. Абаева. — Владикавказ, 2008. — 405 с.

Одной из основных филологических работ, посвященных осетинской похоронно-поминальной обрядности и собственно причитаниям, является работа Е. Б. Бесоловой [2]. Исследователь относит плачи, к категории «малых» жанров осетинского фольклора.

В структуре похоронно-поминальной обрядности Бесолова выделяет три периода/этапа:

- 1) амалæн бон [амалан бон] — допохоронный, включающий обрядовые действия в доме;
- 2) ныгæнаны бон [ныгананы бон] — похоронный — вынос из дома, путь на кладбище и обряды, совершающиеся на кладбище;
- 3) хистытæ [хистыта] — послепохоронный — все поминальный дни.

Исследовательница также отмечает две формы оплакивания: сольная (наиболее широко распространена) и групповая (или хоровая), в которой одна плакальщица произносит текст плача, а остальные женщины подпевают на слово «дадаей» [дадай].

По особенностям поэтики жанра Бесолова выделяет три тематических группы плачей:

- констатация факта смерти, связанная с обращением к умершему, сформулированному в форме риторического вопроса;
- оповещение о смерти, рассказ об обстоятельствах смерти;
- некролог, в котором проявляется традиция хвалить покойника.

Говоря об архитектонике традиционных осетинских плачей, Елена Бутусовна выделяет традиционные завершающие мотивы поэтических текстов: «обращение к умершему», «мотив сиротства, безысходного горя», «плач-упрек», [связанный с высказыванием упреков в адрес покойного и мотив жалости к себе в данной ситуации – И.П., Д.Г.], и последнее – «просьба» [2, с.160-161]. Примечательно, что автор также отмечает некоторые стилистические особенности причитаний, связанные с характером их интонирования. «Плачи — жанр музыкальный, исполнялись они своеобразным речитативом. Музыкальная форма их проста...» [2, с. 155].

Музыковедческие работы, включающие публикации напевов причитаний и их анализ, практически отсутствуют. Вместе с тем, это важнейший аспект стилистической характерности жанра. Нам удалось обнаружить образцы нотаций причитаний только в двух работах:

- 1) один образец в антологии «Осетинские народные песни»;
- 2) два образца в монографии Дз. М. Дзлиевой «Динамика исторического развития свадебного музыкального фольклора осетин».

Музыкальная часть антологии «Осетинские народные песни» была составлена выдающимся собирателем и исследователем осетинского фольклора Борисом Александровичем Галаевым. Характеризуя жанровый состав музыкального фольклора осетин (преимущественно, песенный), он не выделяет причитания («хъарæг» [караг]) как самостоятельный жанр и помещает их в один блок с непесенными жанрами: колыбельными песнями, сказаниями о Нартах и инструментальными плясовыми наигрышами. Значительной заслугой Галаева является публикация единственного образца — причитания матери по сыну, записанного в 1928 году в с. Джава (Южная Осетия) от Чабиевой Нины Захаровны (24 года, служащая). Остается лишь сожалеть, что аналитические комментарии Галаева к данной записи отсутствуют.

В работе «Музыкальная культура осетин» Ф. Ш. Алборова «хъарæг» [караг] обособляются в самостоятельный жанр и атрибутируются как плачи-причитания. Однако образцы их напевов и текстов не опубликованы.

Несколько важных наблюдений содержится в работах К. Г. Цхурбаевой. Она неоднократно упоминает осетинские причитания в различных исследовательских контекстах. Например, упоминает о значении причитаний в формировании стилистики осетинской героической песни, высказывается об интонационном сходстве двух жанров, рассматривает героические песни как своеобразные мужские плачи [6].

«Часто поэтические тексты героических песен бывают насыщены фразеологией, заимствованной из народной похоронной заплочки: «мæ бынду р ныззылди» [ма бынду р нызжылди] (опора моя разрушилась), «мæ бон бакалди» [ма бон бакалди] (померк день мой), «чи ма нæ хæсдæн, чи ма нæ дардæн» [чи ма на хасан, чи ма на дарзан] (кто теперь нас будет кормить, кто будет содержать?), «мæ хæдзар байхæлди» [ма хазар байхалди] (мой дом разрушился...)» [6, с. 66]. И далее: «Причитания и героические песни роднит еще то, что и тем и другим свойственна известная импровизационность словесных текстов» [6, с. 68].

В недавней работе Дз. М. Дзлиевой, посвященной свадебному фольклору осетин, опубликованы две нотации похоронно-поминальных плачей из фондов СОИГСИ. Они привлекаются к анализу в связи с изучением генезиса свадебной песни «Нанайы зарæг» [Нанайы жараг] — «Песня матери/о матери». В этой песне получает разнообразное воплощение идея отчуждения девушки от своего дома, важную роль играют риторические вопросы, обращенные к дочери-невесте: Что будешь делать? На кого будешь смотреть? Кто будет убирать? Кто будет постель стелить? Обозначенные автором образно-поэтические и структурные особенности Нанайы зарæг дают возможность высказать предположение о плачах как одном из возможных источников формирования свадебного фольклора осетин.

Оба образца причетных напевов в работе Дзлиевой были зафиксированы в 1966 году В. Абаевым в с. Суарден. Первый — от Сухиевой Тасо Александровны (р. Из с. Мна Трусовского ущелья), 70 лет [4, с. 302]; второй [4, с. 304] — от Касаевой Наташи Михайловны (р. из с. Четырс Трусовского ущелья), 42 года. Оба причитания были записаны в один из трех похоронных дней безвременной кончины некоего Лади (мужское имя). Поэтические тексты их, вместе с тем, различны. Первый образец (по Бесоловой, вторая тематическая группа) связан с оповещением о смерти и повествует об обстоятельствах гибели, включает обращение к умершему и констатацию безысходного горя. Второй текст (относится к первой тематической группе) также связан с констатацией факта смерти, воплощенной в форме риторического вопроса, включает упреки в адрес умершего.

Хъарæг [караг] — причитание	
1. [Нрзб.] дахи тæригæдыл æртæ комы куы дзынадзынц.	1. [Нрзб.] от жалости к тебе три ущелья плачут.
2. Уа, дæ дуæрттæ гомæй æсты, ныр ты дын [нрзб.] æхкæнгæ ничи бакæндзын.	2. Уа, твои ворота открытыми остались, [нрзб.] кто теперь их закроет.
3. [Нрзб.] фалтау Надыйы хъæды бирагътæ бахæриккой. Ныр цаугæ, Лади, цаугæ! Ныр дын апындæр, Зæринаæ, ацы хæдзары куы ницыуал и.	3. [Нрзб.] уж лучше бы Надю в лесу волки съели. Теперь оправляйся в путь, Лади! Теперь, Зарина, у тебя в этом доме совершенно ничего ведь не осталось.

Напев первого причитания разворачивается в амбигусе кварты — cis1-dis1-e1-fis1. Слоговой состав стиха колеблется от 14 до 25 слогов. Структура представляет собой характерный как для причитаний, так и для песни матери нецезурированный стих-тираду. Кадансы приходятся на первую ступень лада. Для мелодического движения характерно поступенное нисходящее движение с опеваниями отдельных тонов.

Хъарæг [караг] — причитание	
1. [Нрзб.] цы кæнон, куыд кæнон?!	1. [Нрзб.] что и как теперь мне делать?!
2. Уæд сын исты баххуыс кодтаин, куыд баххуыс кæнон?!»	2. Я бы как-то им помогла, но как им помочь?!
3. Уæу, мæ бон [нрзб.] кæна, Лади, дæ зынг ахуысса.	3. О, моц сет, Лади, да погаснет твой огонь в очаге.
4. Алчи фæззыджы куыстытæм йæхи цагтæ кæны, ды та дæ мæгуыр фæззæг фалгæрон фæждтай.	4. Каждый готовится к осенним работам, а ты отдалил свою несчастную осень.

Для второго образца характерен напевно-декламационный склад интонирования. В нем, более чем в других примерах, присутствуют хроматические соскальзывания с тона на тон. Несмотря на это, кадансы первых трех строф стабильны и оканчиваются на второй ступени пентахорда в квинте — c(cis)1-d(dis)1-e1-f(fis)1-g(gis)1.

Летом 2018 года состоялась экспедиция с участием этномузыкологов Санкт-Петербургской государственной консерватории и РАМ им. Гнесиных, где запись причитаний составляла одно из основных направлений научного поиска. В течение 9-ти рабочих дней были сделаны аудио и видеозаписи осетинского фольклора на территориях Правобережного, Пригородного, Ардонского и Дигорского районов. Нам удалось зафиксировать этнографические сведения о похоронно-поминальной обрядности у разных категорий: христиан и мусульман (как дигорцев, так и иронцев), а также переселенцев из

Грузии и Южной Осетии, установить контекст исполнения причитаний, зафиксировать характерные поэтические мотивы и, наконец, сделать музыкальные записи от женщин из разных районов Осетии. Наибольшую трудность представляла собой фиксация напевов, поскольку, по народным представлениям, причитать без повода нельзя – иначе можно навлечь беду.

Похоронно-поминальный обряд на сегодняшний день составляет один из наиболее жизнеспособных обрядовых комплексов традиционной культуры осетин. В нем сохранились древнейшие представления о жизни и смерти, в ацаг дуне [асаг дуне] (потустороннем, дословно «настоящем») мире. Обряд полон строгих запретов и предписаний, характеризуется достаточно четкой регламентацией последовательности ритуальных действий.

Сведения о похоронно-поминальной обрядности осетин-мусульман, с одной стороны, а также выходцев из Южной Осетии и Грузии, с другой стороны значительно различаются у информантов, что впервые позволяет ставить вопрос о локальной вариативности, не получившей освещения в научной литературе.

Обратим внимание на существующую в традиции регламентацию оплакивания. Плакать по умершему начинали сразу после фиксации акта смерти человека, иногда только после омовения (купания) тела. Вместе с тем, существовал строгий запрет причитать поздним вечером, т. е. после 22–23 часов. Возобновлять оплакивание разрешалось после восхода солнца, на рассвете (переселенцы из Грузии).

Пока тело не предано земле, процесс оплакивания продолжается постоянно. Если мало плачут по умершему, это считается постыдным для семьи и означает отсутствие должного уважения к человеку, отошедшему в мир иной. До погребения в дом умершего приходят соседи, родственники, все, кто знал его при жизни. Чаще всего бывает, что они заходят в жилище уже с плачем. Если входящие «проведают умершего» не плачут, что родня покойного начинает плакать сильнее, чтобы разжалобить всех присутствующих. Это делается для того, чтобы стимулировать плач каждого входящего в дом.

В день похорон (у христиан – на третий после смерти, у мусульман – в тот же день или на 2-й день) приходится кульминации оплакивания. Плач на мгновение прекращается, когда гроб с телом умершего выносят из дома во двор. В этот момент старший фамилии либо старшина квартала или селения произносит речь в память об умершем. После этого родственники и близкие покойного прощаются с ним (подходят к гробу и прикладывают руки), в этот момент плач снова возобновляется. У мусульман женщинам запрещено идти на кладбище в день похорон, поэтому данный момент является завершающим в оплакивании покойного.

Запрещается плакать по умершему новорожденному ребенку (до двух месяцев от роду), потому что он «хом» [хом] – т. е. «сырой» (переселенцы из Грузии). Новорожденный не бывает с мертвыми, его не хоронят на общем кладбище (переселенцы из Грузии).

Похоронный обряд отличался, если человек умирал от удара молнии. Его не оплакивали в силу суеверного представления, что тело может загореться. Людей, пораженных молнией, не хоронили на кладбище, а предавали земле на том же месте, где он погиб. Вместо плача вокруг тела умершего исполнялась хороводная песня «Цоппай-Алай» [цоппай-алай]. В старину считалось, что человека можно «оживить» в результате хоровода вокруг тела пораженного молнией, сопровождающегося пением. Нам удалось записать 2 варианта этой песни в Дигорском районе.

По традиционным представлениям, оплакивать умершего полагалось женщинам из числа близких родственников, а также тем, кто лично знал покойного. Например, часто причитали соседи покойного, сидя у его тела, причем сначала они оплакивали его, а потом высказывали «свое горе», причитали по своим родным и близким. Женщин, которые сильно плакали о своих умерших родственниках, называли «зианфаэллад» [жианфаллад] (досл. «оставшие от похорон» (северные осетины, осетины-христиане).

Важный элемент поэтики жанра связан с формульными обращениями к умершим, раскрывающими степени родства. В причитаниях к матери ее обычно называют «маэ ныййараг мад» [ма ныййараг мад] («родившая меня»), к братьям и сестрам обращаются как «маэ мады зенаг» [ма мады жанаг] («единутробные», «дети моей матери»), к мужу — «маэ уды хай» [ма уды хай] («частичка души моей»); к мужу также возможно обращение по имени. В системе традиционных воззрений осетин женщине нельзя было говорить о муже, но этот запрет нарушался, если она его оплакивала.

Тексты похоронных причитаний изобилуют риторическими вопросами: на кого ты меня (нас) оставил? как мы теперь будем жить? как я буду одна поднимать детей? Подобные мотивы являются жанрово определяющими (по терминологии Б. Н. Путилова) для осетинских плачей. Некоторые поэтические мотивы плачей, которые были нами зафиксированы в ходе экспедиции, не были отмечены в публикациях. Таковы, например, укеры в адрес покойного о том, что муж бросает семью, не поможет растить и воспитывать детей, что сын ушел раньше матери и др.

В завершении отметим, что закономерности сложения поэтических текстов плачей, отмеченные упомянутыми выше учеными, нашли подтверждение и в новейших экспедиционных материалах. Вместе с тем, записи 2018 года значительно расширяют базу фольклористических исследований, представив ценные данные, касающиеся интонационно-музыкальной составляющей причитаний. Квинтовая основа интонирования, обнаруживающаяся как в исторических записях, так и современных фиксациях, сближает их с другими жанрами, приближает нас к пониманию корневых основ осетинского фольклора.

Список литературы:

1. Алборов, Ф. Музыкальная культура осетин / Ф. Алборов. – Владикавказ : Ир, 2004. – 192 с.
2. Бесолова, Е. Язык и обряд : похоронно-поминальная обрядность в аспекте ее текстуально-вербального выражения / Е. Бесолова / ВНЦ РАН СОИГСИ им. В. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 405 с.
3. Гаглоева, З. Культ мертвых у осетин / З. Гаглоева // Известия ЮО НИИ АН Грузинской ССР. – Вып. XVIII, 1974. – 78 с.
4. Дзлиева, Д. Динамика исторического развития свадебного фольклора осетин: монография / Д. Дзлиева / Сев.- Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В. Абаева. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 362 с. : нот., ил.
5. Осетинские народные песни, собранные Б. А. Галаевым в звукозаписях, нотированных совместно Б. А. Галаевым и Е. В. Гиппиусом / ЮОНИИ. АН Грузинской ССР ; под ред. Е. В. Гиппиуса. – М. : Музыка, 1964. – 249 с.
6. Цхурбаева, К. Об осетинских героических песнях / К. Цхурбаева. – Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. – 198 с.